

МЫСЛИ О РЕЛИГИОЗНОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Митрополит Сурожский Антоний

Я совершенно уверен, что заниматься детьми может всякий человек, который их понимает и может им передать свою веру, – не только головные, умственные **знания** на религиозные темы, но **горение** собственного сердца и понимание путей Божиих. Мне кажется, что в идеале этим должны заниматься родители на дому или те люди при церкви, которые на это способны. Есть семьи, где дети хорошо образованы православно, но в среднем, родителям труднее научить своего ребенка, чем священнику, потому что священника ребенок слушает иначе. Правда, священнику обычно трудно этим заниматься: у него и богослужение, и требы, и различные другие обязанности.

У себя мы 38 лет тому назад создали приходскую школу, и она с тех пор растет. Два раза в месяц после литургии бывает урок; потом детей водят играть в соседний парк, чтобы они друг с другом ближе знакомились. Очень важно, чтобы они составили семью, которая в будущем будет приходской общиной. Летом мы устраиваем для них лагерь. Мы начали с небольшой группы, а в этом году (1987 – Ред.) у нас будет сто человек. По вашему масштабу это капля в море, но по нашему это много. Дети две недели живут вместе. Утром и вечером бывает молитва; бывают занятия по предметам веры в группах, занятия по рукоделию, спорт, походы. И это создает между детьми отношения, позволяющие им, когда они подрастут и дойдут до возраста, в котором подростки бунтуют против родителей, делиться своими впечатлениями или искать совета и помощи не в школе или на улице, а идти к своим товарищам по лагерю, по воскресной школе, то есть по Церкви, в конечном итоге, – и получать, конечно, совершенно иного рода ответы.

Раньше чем вырасти в меру христианина, человек должен быть просто **человеком**. Если вы прочтете в 25 главе Евангелия от Матфея притчу о козлицах и овцах, там вопрос ясно ставится: были ли вы человечны, выросли ли вы в меру настоящего человека? Только тогда вы можете вырасти в меру приобщенности Богу... Поэтому надо учить ребенка правдивости, верности, мужеству, таким свойствам, которые из него делают подлинно **человека**; и, конечно, надо учить состраданию и любви.

Если же говорить о вере, то надо передавать детям Живого Бога, – не устав, не какие-то формальные знания, а тот **огонь**, который Христос принес на землю для того, чтобы вся земля или, во всяком случае, каждый верующий стал бы **купиной неопалимой**, горел, был бы светом, теплом, откровением для других людей. И для этого нам надо передавать именно Живого Бога – примером своей жизни. Мне духовный отец говорил: никто не может отойти от мира и обратиться к вечности, если не увидит в глазах или на лице хоть одного человека сияние вечной жизни... Вот **это** надо передавать: Живого Бога, живую веру, **реальность** Бога; все остальное приложится.

Я не восторгаюсь, когда детей учат методически, скажем, что жизнь Иисуса Христа протекала так-то и так-то. Детям нужна не осведомленность, а те вещи, которые могут дойти до них; нужен живой контакт, который может взволновать

душу, вдохновить. Нужна не просто история как **История**. Пусть рассказы будут разрозненные, – в свое время они найдут свое место. Очень драгоценно то, что ребенок часто знает о Боге и о тайнах Божиих больше, чем его родители. И первое, чему родители должны научиться, это – не мешать ему знать, не превращать опытное знание в мозговой катехизис. Я сейчас не хочу порочить катехизис как таковой; но бывает, что ребенок **знает** – а его заставляют **формулировать**. И в тот момент, когда, вместо того чтобы он знал всем нутром, его заставили заучить какую-то фразу или какой-то образ, все начинает вымирать.

Как я уже сказал, мне кажется, что не очень-то помогает ребенку знать все факты из Евангелия как **факты**. Разумеется, если вы любите кого-нибудь, вам хочется знать, что с ним случилось; но сначала надо полюбить, а потом начинать собирать факты. Я вспоминаю преподавание Закона Божия в Русской гимназии в Париже: детям рассказывалась жизнь Господа Иисуса Христа, надо было заучить или тропарь, или отрывок из Евангелия; и все это “надо было” делать, за все это ставились отметки наравне с арифметикой или естествознанием. И это только губило живое восприятие, потому что – не все ли равно, в какой последовательности что случилось?

Но, с другой стороны, самые евангельские факты и рассказы о них так полны интереса и красоты, что если цель – не **заучивание**, а приобщение детей этому **чуду**, что-то может получиться. В Лондоне я шесть лет занимался с детьми от семи до пятнадцати лет. Их было слишком мало, чтобы создать возрастные группы; и очень трудно было им “преподавать”. Поэтому мы сидели вокруг длинного стола, брали евангельский отрывок и обсуждали его вместе. И порой оказывалось, что шустрый семилетний мальчик может быть гораздо более живым собеседником, чем четырнадцатилетний, – и сглаживались трудности. Это зависело от восприимчивости, от реакции, не только от ума, но от всей чуткости. Так мы проходили воскресные Евангелия, праздничные Евангелия. Сначала я им рассказывал Евангелие как можно более живо, красочно, употребляя там-сям фразу из текста, но не обязательно **читая** его весь, потому что очень часто евангельский текст слишком гладкий, внимание детей скользит по нему. Затем мы его обсуждали, и постепенно подходили к тому, чтобы прочесть текст так, как он в Евангелии стоит. По-моему, надо создавать живой интерес и живую любовь, желание знать, что дальше и почему.

В других случаях мы обсуждали нравственные проблемы. Скажем, я помню, мальчик Андрей разбил дома окно, и мы его попросили нам объяснить: почему он бьет окна у себя дома? Я не хочу сказать, что бить у соседа – более оправданно; но – почему это ему пришло в голову? И получилась большая, живая дискуссия между детьми о том, почему это может случиться. И постепенно в ходе дискуссии начали выплывать фразы из Священного Писания, описывающие или характеризующие те настроения, которые дети выражали. И эти дети мне как-то сказали: но это же поразительно! Все, что в нас есть: и добро, и зло – можно выразить словами Спасителя или апостолов. Значит, все там есть, – я **весь** в Евангелии, я **весь** в Посланиях... Вот это, я думаю, гораздо более полезно, чем заучивание.

Вот и все мое, очень скудное, знание о воспитании детей. Сам я не был верующим ребенком, до пятнадцати лет Бог для меня не существовал, и я не знаю, что делают с ребенком для того, чтобы его воспитать в вере. Поэтому я не берусь за маленьких детей; я берусь за детей, только когда могу с ними говорить,

то есть лет с десяти, с девяти. Я только одно знаю: над ребенком надо молиться. Беременная женщина должна молиться, должна исповедаться, причащаться, потому что все, что с ней случается, случается с ребенком, которого она ожидает. Когда ребенок рожден, надо над ним и о нем молиться, даже если почему-либо не молишься вместе с ним. А чтобы молиться вместе, мне кажется, надо искать молитвы (допустимо их и сочинять), которые могут дойти до ребенка, – не вообще до ребенка, а именно до **этого** ребенка. Чем он живет, кто он такой, как, будучи собой, он может говорить с Богом – это знают только родители, потому что они знают, как их ребенок говорит с ними.

Другое: мы умудряемся превратить в неприятную обязанность то, что могло бы быть чистой радостью. Помню, я как-то, по дороге в церковь, зашел за Лосскими (мы жили в Париже на одной улице). Они собираются, одели троих детей, а четвертый стоит и ждет, но его не одевают. Он спросил: “А я что?” И отец ответил: “Ты себя так вел на этой неделе, что тебе в церкви нечего делать! В церковь ходить – это честь, это привилегия; если ты всю неделю вел себя не как христианин, а как бесенок, то сиди во тьме крошечной, сиди дома...”

А мы делаем наоборот; мы говорим: ну пойдешь, пойдешь, покайся, скажи батюшке..., или что-нибудь в этом роде. И в результате встреча с Богом все больше делается долгом, необходимостью, а то и просто очень неприятной карикатурой Страшного суда. Сначала внушают ребенку, как ему будет ужасно и страшно признаваться в грехах, а потом его насильно туда гонят; и это, я думаю, плохо.

Исповедуются у нас дети с семи лет, иногда немножко моложе или немножко старше, в зависимости от того, дошли ли они до возраста, когда могут иметь суждение о своих поступках. Иногда ребенок приходит и дает длинный список своих прегрешений; и вы знаете, что прегрешения-то записала мамаша, потому что ее эти разные проступки чем-нибудь коробят. А если спросишь ребенка: “А ты действительно чувствуешь, что это очень плохо? – он часто смотрит, говорит: Нет... – А почему же ты это исповедуешь? – Мама сказала...”

Вот **этого**, по-моему, не надо делать. Надо ждать момента, когда ребенок уже имеет какие-то нравственные представления. На первой исповеди я не ставлю вопрос о том, сколько он согрешил, и чем, и как (я вам себя не даю в пример, я просто рассказываю, что я делаю). Я говорю примерно так: “Вот, ты теперь стал большим мальчиком (или: большой девочкой). Христос тебе всегда был верным другом; раньше ты это просто воспринимал как естественное и должное. Теперь ты дошел до такого возраста, когда ты можешь, в свою очередь, стать верным другом. Что ты знаешь о Христе, что тебя в Нем привлекает?..” Большею частью ребенок говорит о том или о сем, что ему нравится или что его трогает во Христе. Я отвечаю: “Значит, ты Его понимаешь в этом, ты любишь Его в этом и можешь быть Ему верным и лояльным, так же как ты можешь быть верным и лояльным своим товарищам в школе или своим родителям. Ты можешь, например, поставить себе правилом найти способ Его радовать. Как ты можешь Его порадовать? Есть вещи, которые ты говоришь или делаешь, от которых Ему может быть больно...” Иногда дети сами говорят что-нибудь, иногда нет. Ну, порой можешь подсказать: “Ты, например, лжешь? Ты в играх обманываешь?..” Я никогда не говорю о послушании родителям на этой стадии, потому что этот способ родители часто употребляют, чтобы поработить ребенка, используя Бога в виде предельной силы, которая на него будет воздействовать. Я стараюсь, чтобы

дети не путали требования родителей и свои отношения с Богом. В зависимости от того, кто этот ребенок, можно ему предложить разные вопросы (о лжи, о том или другом) и сказать: “Вот хорошо; обрадуй Бога тем, что то или се ты не будешь больше делать, или хоть будешь стараться не делать. А если сделаешь, тогда кайся, то есть остановись, скажи – Господи! Ты меня прости! Я Тебе оказался не добротным другом. Давай, помиримся!..” И приходи на исповедь, чтобы священник тебе мог сказать: “Да, раз ты каешься и жалеешь, я тебе от имени Бога могу сказать: Он тебе это прощает. Но подумай: как жалко, что такая красивая дружба была разбита...”

Пост для детей надо проводить разумно, то есть так, чтобы он не был сплошной и бессмысленной мукой, а имел бы воспитательное качество. Мне кажется, для ребенка важнее начать пост с какого-то нравственного подвига. Надо ему предложить, дать ему возможность себя ограничить в том, где больше проявляется лакомство, жадность, а не в качестве той или иной пищи. Надо, чтобы он это делал, сколько может, в сознании, что этим он утверждает свою преданность Богу, побеждает в себе те или другие отрицательные наклонности, добивается власти над собой, самообладания, учится управлять собой. И надо постепенно увеличивать пост, по мере того как ребенок может это сделать. Ясно, что нет необходимости есть мясо: вегетарианцы никогда его не едят, и при этом живут и процветают, так что неверно говорить, что ребенок не может поститься без мяса. Но, с другой стороны, надо учитывать, что ребенок может сделать по состоянию здоровья и по своей крепости.